NNG 4
110

А. А. Кизеветтеръ.

77а4
110

ДЕНЬ ЦАРЯ

Алексѣя Михайловича

(Сцены изъ жизни Москвы XVII-го вѣка).

МОСКВА—1904.
Типографія Общества распространенія полезныхъ книгъ,
АРЕНД. В. И. ВОРОНОВЫМЪ.
Моховая, прот. манежа, д. кн. Гагарина.

Дозволено цензурою. Москва, 6 октября 1904 г.

18675
3—VIII 1930

День царя Алексѣя Михайловича.

(Сцены изъ жизни Москвы XVII-го вѣка *).

Лѣтъ двѣсти тому назадъ, на Москвѣ царствовалъ царь Алексѣй Михайловичъ, отецъ Петра Великаго. Замѣчательное время переживала тогда Русская земля. Русскіе люди крѣпко сохраняли еще въ своей жизни многіе старые порядки и обычаи, но они начинали уже понимать, что нельзя все жить только по одной старинѣ, что необходимо многому поучиться у другихъ болѣе образованныхъ народовъ, перенять у нихъ для себя все то, что можетъ быть употреблено съ надлежащей пользой. Такъ думали тогда уже многіе русскіе люди, думалъ такъ и самъ царь Алексѣй Михайловичъ. Эту думу онъ проявлялъ и въ своей жизни. Сейчасъ я и хочу разсказать вамъ, какъ обыкновенно проводилъ онъ свой день съ утра и до самой ночи.

---

4 часа утра. Надъ Москвой чуть-чуть забрезжили первые признаки разсвѣта, городъ уже просыпается. Отпи-

---

*) Составлено по И. Забѣлину „Домашній бытъ русскихъ царей“, Олеарію „Описаніе путешествія Голштинскаго посольства“ и Котошихину „О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича“.

раются лавки. Рыночная площадь передъ Кремлевской стѣной—теперешняя Красная площадь—наполняется шумной, пестрой толпой. Тутъ—торговцы, торговки, холопы праздношатающіеся: «гулящіе» или „вольные“ люди. Вся площадь заставлена вытянутыми въ ряды *лавками*, а въ

Царь Алексѣй Михайловичъ.

сторонѣ между Василіемъ Блаженнымъ и Кремлевской стѣной—особое отдѣленіе для брадобреевъ и цирюльниковъ. Сюда ходили тогдашніе московскіе франты стричься и бриться подъ открытомъ небомъ. Эта площадка постоянно была устлана въ то время такимъ толстымъ слоемъ обстриженнаго волоса, что по немъ такъ же мягко было ступать, какъ по подушкѣ.

Къ 4-мъ часамъ утра вся площадь уже въ полномъ движеніи. Шумъ стоитъ невообразимый. Особенно отличается по части шума и суеты женскій полъ. Лишь только, — говоритъ очевидецъ, — соберутся москвитянки на площадь съ своими полотнами, нитками и кольцами, онѣ тотчасъ подымаютъ такіе пронзительные крики, что непривычный человѣкъ можетъ подумать, не горитъ ли городъ.

Время отъ времени толпа разступается, чтобы пропустить боярскій поѣздъ. Въ тяжелыхъ колымагахъ, запряженныхъ гуськомъ и окруженныхъ боярскими холопами, собираются бояре во дворецъ на утренній поклонъ государю. Колымаги съ грохотомъ трясутся по большимъ круглымъ бревнамъ, которыми тогда были вымощены московскія площади и улицы. Пріѣзжимъ иностранцамъ, наблюдавшимъ московскую жизнь, очень забавно было смотрѣть, какъ важные и дородные бояре, въ широкихъ кафтанахъ и мѣховыхъ шапкахъ, похожихъ на большіе пасхальные куличи, торжественно подпрыгивали на сидѣньѣ отъ постоянныхъ толчковъ бревенчатой мостовой.

Въ это время начиналась дневная жизнь и въ царскихъ хоромахъ. Царь Алексѣй Михайловичъ вставалъ въ 4 часа утра. Постельничій и спальникъ убирали государя, т. е. помогали ему одѣваться. Умывшись, царь тотчасъ же выходилъ въ Крестовую палату, гдѣ его ждалъ крестовый попъ и крестовые дьячки. Крестовая палата, это — молельня съ высокимъ иконостасомъ, уставленнымъ иконами. Къ приходу царя весь иконостасъ сіяетъ отъ множества восковыхъ зеленыхъ и красныхъ свѣчей. Царь становится передъ аналоемъ, и, надѣвъ большіе очки въ золотой оправѣ, совершаетъ молитвенное правило. Духовникъ окропляетъ царя св. водой, которая свозилась для этого во дворецъ изъ разныхъ церквей и монастырей, иногда очень отдаленныхъ, гдѣ были прославленныя чудотворныя иконы.

Пока царь, окончивъ молитвы, прикладывается къ иконамъ, «ближній человѣкъ» идетъ въ хоромы къ царицѣ спросить ее отъ имени царя «о здоровьѣ», хорошо ли она почивала. Затѣмъ самъ царь выходитъ здороваться съ царицей, и они вмѣстѣ отправляются въ домашнюю дворцовую церковь слушать заутреню. Между тѣмъ въ Передней палатѣ уже давно, съ ранняго утра, толпятся въ ожиданіи царскаго выхода бояре, окольничьи, думные дворяне и ближніе люди—въ длинныхъ до пятъ кафтанахъ, голубо-фіолетоваго, темно-коричневаго и темно зеленаго сукна съ широкими откинутыми назадъ воротниками, унизанными золотомъ и жемчугомъ. Длиннѣйшіе рукава этихъ кафтановъ во множествѣ складокъ ниспадали до самаго пола, такъ что боярину не разъ стоило большого труда высвободить изъ-подъ рукава свои руки. На боярахъ надѣты мѣховыя шапки вышиною въ $^{3}/_{4}$ аршина изъ черной лисицы или соболя съ небольшой мѣховой опушкой. Нѣкоторые бояре держатъ въ рукахъ куличи. Это—бояре-именинники, всегда привѣтствующіе царя на утреннемъ выходѣ такимъ подношеніемъ. Но вотъ растворяются двери внутреннихъ покоевъ и предъ боярами являются, какъ говорили тогда, «пресвѣтлыя государевы очи». Вся толпа, какъ одинъ человѣкъ, мгновенно падаетъ ницъ. Это называется «бить челомъ государю». Такова была обычная форма привѣтствія государю. Нѣкоторые бояре такимъ же челобитьемъ благодарятъ при этомъ царя за оказанныя имъ царемъ особенныя милости, стараясь превзойти другъ друга въ усердіи поклоновъ. Извѣстенъ случай, когда боярин кн. Трубецкой, обрадованный царскою милостью, назначеніемъ главнымъ предводителемъ русскаго войска, выступившаго въ Польскій походъ, поклонился государю въ землю подъ рядъ 30 разъ.

Сопровождаемый боярами, царь шествовалъ въ соборъ

къ поздней обѣднѣ, продолжавшейся два часа. Иностранные наблюдатели съ изумленіемъ передаютъ о молитвенныхъ подвигахъ Алексѣя Михайловича: онъ выстаивалъ

Рынды—царскіе тѣлохранители.

въ церкви часовъ по 5, по 6 сряду и клалъ по тысячѣ земныхъ поклоновъ, а въ большіе праздники и по полуторы тысячи. Выходъ царя въ церковь къ поздней обѣднѣ,

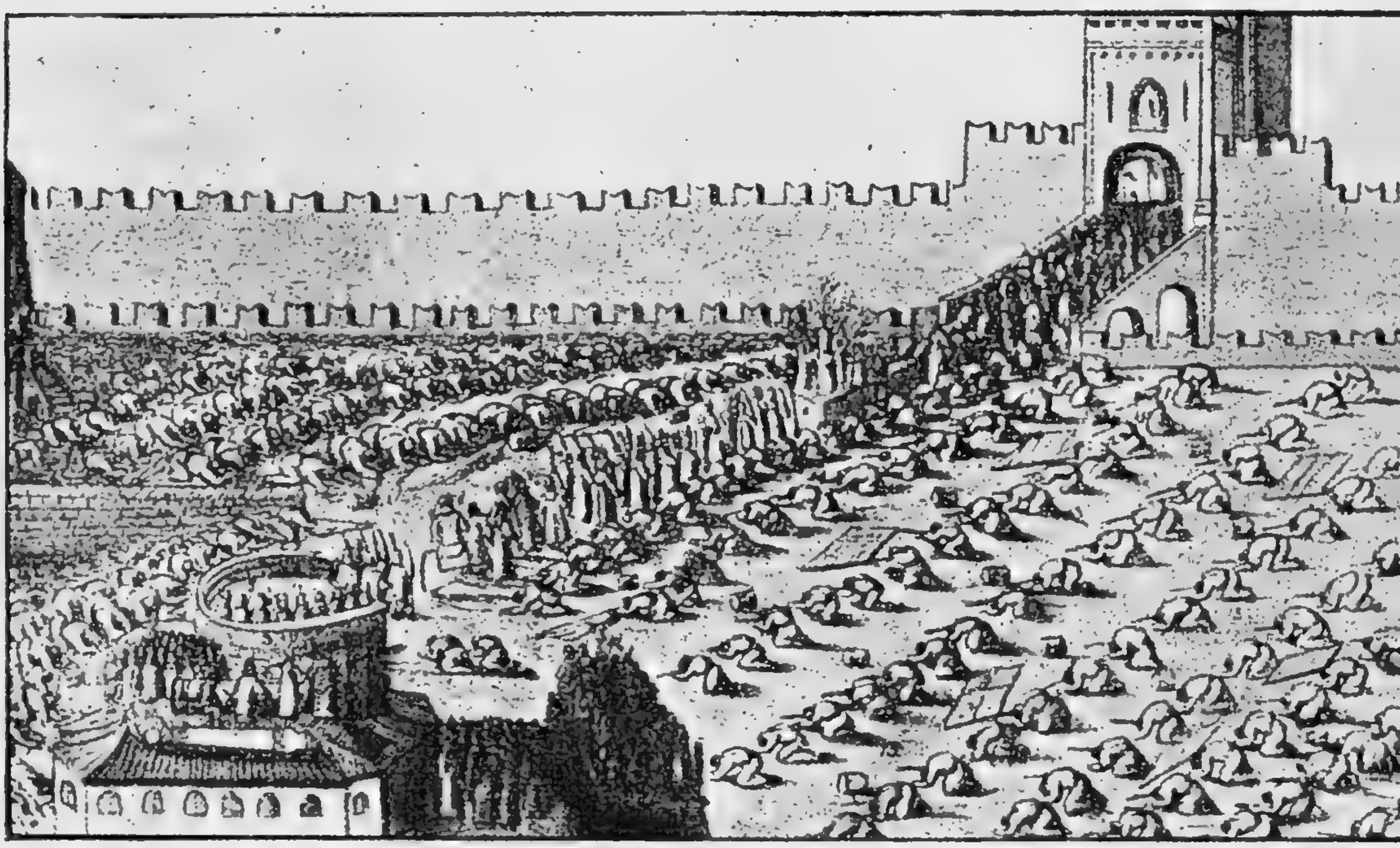
это—одна изъ самыхъ важныхъ минутъ ежедневной цар
ской жизни. Бояре окончили свои челобитья и всѣ гурь-
бой вслѣдъ за царемъ выходятъ на дворцовое крыльцо.
Отъ крыльца до кремлевскихъ соборовъ растягивается цѣ-
лое шествіе. Воздухъ наполненъ звономъ: гудятъ кремлев-
скіе колокола. Царь подвигается обыкновенно пѣшкомъ,
иногда въ каретѣ. Зимою—въ саняхъ. Это были большія
нарядныя сани, раззолоченныя, расписанныя красками,
обитыя персидскими коврами. Одѣяніе государя при этихъ
выходахъ было различно, смотря по времени года и зна-
ченію дня. Лѣтомъ онъ шелъ въ легкомъ шелковомъ опа-
шнѣ и золотной шапкѣ съ мѣховымъ околомъ. Зимой—въ
шубѣ и горлатной лисьей шапкѣ. Въ двунадесятые празд-
ники государь облекался въ нарядъ царскій: онъ выходилъ
въ порфирѣ, царскомъ становомъ кафтанѣ, коронѣ, бар-
махъ и съ царскимъ жезломъ въ рукахъ. Все это блистало
золотомъ, серебромъ, дорогими каменьями. Самые башмаки,
которые въ это время надѣвалъ государь, богато были вы-
низаны жемчугомъ. Это былъ очень тяжелый нарядъ, и
вотъ почему въ подобныхъ церемоніяхъ государя всегда
поддерживали подъ руки стольники, а иногда и бояре.
Окружая царя, шагаютъ *рынды*—царскіе тѣлохранители
изъ сыновей знатнѣйшихъ бояръ, въ ослѣпительно свер-
кающемъ нарядѣ, всѣ въ бѣломъ: въ длинныхъ, подбитыхъ
горностаями кафтанахъ изъ серебряной ткани, съ сереб-
ряными пуговицами до самыхъ ногъ, въ бѣлыхъ же са-
погахъ съ подковами, въ бѣлыхъ бархатныхъ шапкахъ,
усыпанныхъ жемчугомъ. Каждый изъ нихъ несетъ на пле-
чѣ большой топоръ, блещущій на солнцѣ серебромъ и зо-
лотомъ. Шествіе замыкается отрядомъ *жильцовъ*, т. е.
отборной дворянской гвардіи. Жильцы тоже блистаютъ
яркими нарядными кафтанами. У каждаго къ плечамъ при-
дѣлана для украшенія пара золоченыхъ крыльевъ. Мед-

нно и чинно подвигается шествіе среди густой толпы
обопытствующаго народа.

Не всегда эти царскіе выходы совершались въ одномъ томъ же порядкѣ. Въ нѣкоторые большіе праздники съ ими соединяли особыя торжественныя церемоніи, такъ зываемыя «дѣйства», въ которыхъ изображались въ лицахъ различныя событія изъ священной исторіи. Такъ, примѣръ, въ срединѣ декабря совершалось „Пещное дѣйство“ въ воспоминаніе сожженія трехъ отроковъ въ огненй пещи, при чемъ печь изображалъ огромный рѣшетчатый фонарь, въ глубинѣ котораго помѣщался горнъ съ рящими угольями. Въ фонарь входили три отрока въ о бы халдейскихъ костюмахъ изъ краснаго сукна. Продьяконъ кликалъ ихъ съ амвона громовымъ басомъ, а и отвѣчали ему изъ глубины фонаря жалобнымъ пѣніемъ. верху съ трескомъ и шумомъ спускалось въ фонарь вызанное изображеніе ангела, и спасенные отроки, выйдя ъ фонаря, славословили патріарха. Самое красивое и ибопытное «дѣйство» совершалось въ Вербное воскресе-е. То было такъ называемое «*Хожденіе на осляти*»: процессія, воспроизводившая Господень входъ въ Іерусалимъ. тъ дворца до Василія Блаженнаго по площади устанавливали аллеей по обѣ стороны зеленыя кадки съ воткнуми въ нихъ вербами. Послѣ ранней обѣдни царь въ ыходной одеждѣ, сопровождаемый патріархомъ, всѣмъ оличнымъ духовенствомъ и боярами, шествовалъ по вербй аллеѣ къ Покровскому собору (т. е. къ церкви Василія Блаженнаго) и слушалъ тамъ позднюю обѣдню. Въ о время массы народа любовались на изукрашенное обное мѣсто, покрытое бархатомъ и сукнами.

Посрединѣ Лобнаго мѣста ставился аналой съ Евангеемъ, а рядомъ съ Лобнымъ мѣстомъ помѣщалась приговленная для процессіи „осля“, въ бѣлой суконной по-

понѣ, закрывавшей также и голову, и нарядная верба утвержденная на особыхъ изукрашенныхъ дрогахъ и уб ранная подобно тому, какъ теперь убираются на Рожде ство елки, на вѣтвяхъ деревца навѣшивались разны сласти—изюмъ, винныя ягоды, орѣхи, яблоки, прикрѣп лялись искусственные цвѣты, разныя блестки и звѣзд изъ мѣди, шумихи.—Послѣ обѣдни государь, патріархъ



Процессія съ вербой передъ колѣнопреклоненнымъ народомъ на Красной площади.

духовенство выходили на Лобное мѣсто, протодьяконъ чи талъ Евангеліе и въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ патріархъ взявъ въ одну руку Евангеліе, въ другую крестъ, благо словлялъ государя. Потомъ, патріархъ садился на осля царь бралъ въ руки конецъ повода, и вся процессія, пред шествуемая нарядной вербой, медленно двигалась обратн ко дворцу. Тогда народъ падалъ на колѣни, и вся пло щадь затихала въ торжественномъ молчаніи. Мальчик

ъ 12, въ бѣлыхъ одеждахъ, числомъ иногда до тысячи
брасывали по пути процессіи красныя сукна и вос-
ицали: «осанна!»
Въ обыкновенные будничные дни царь, вернувшись отъ
дни, шелъ во внутренніе дворцовые покои и до обѣда

Хожденіе на осляти.

идѣлъ съ бояры» т. е. разсматривалъ и рѣшалъ съ боя-
ми разныя государственныя дѣла.
Убранство внутреннихъ покоевъ дворца Алексѣя Михайло-
на живо отражало на себѣ начавшійся переходъ отъ прež-
й старинной жизни къ перенимаемымъ у иноземцевъ но-

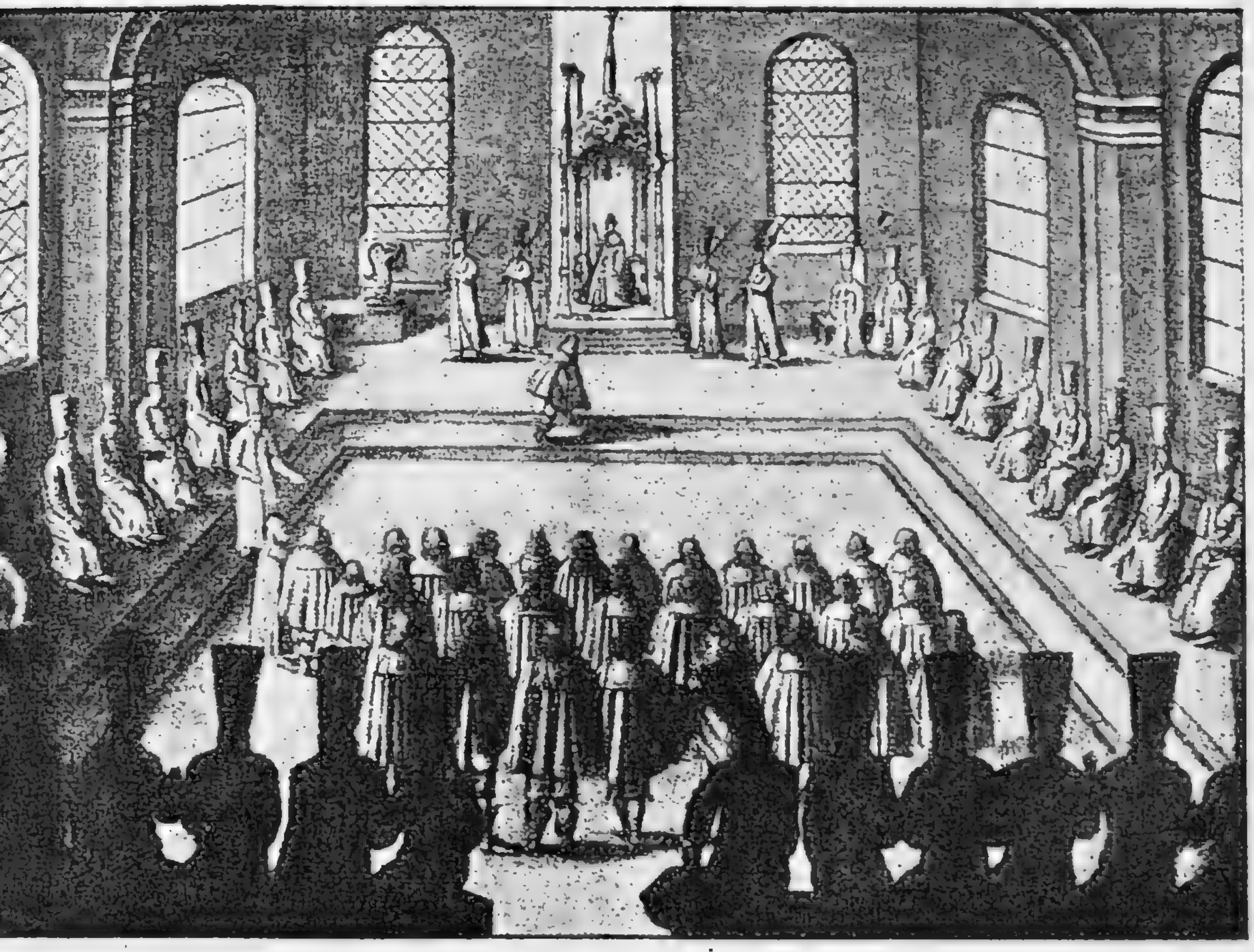
винкамъ. Во многихъ комнатахъ дворца по старинному в
мебель отличалась большой простотой:—столы,—разста
ленныя по стѣнамъ скамейки—вотъ и все.—Но въ нѣк
товыхъ покояхъ тамъ и сямъ между скамьями въ видѣ од
нокихъ рѣдкихъ гостей стояли новинки: стулья и кресл
серебряные, золоченые, обитые бархатомъ. Стѣны многи
покоевъ были украшены разными картинами. Тутъ висѣ
«парсуны» или портреты, различныя сцены изъ библіи
исторіи. Прогуливаясь по дворцовымъ хоромамъ, мож
было увидѣть на стѣнахъ «Паденіе Іерусалима», «Ист
рію Іосифа во Египтѣ», Владиміра Святого, окруженна
своими сыновьями, и Владиміра Мономаха, принимающа
дары отъ греческаго царя Константина; далѣе разн
сцены изъ жизни, какъ напримѣръ, изображеніе непр
веднаго судьи, принимающаго взятки: ему подносятъ к
бокъ и мѣшокъ съ серебромъ, а внизу нарисованъ адъ
ликующими чертями, которые тащатъ въ огонь душу грѣ
ника. Подъ картиной подпись: горе судіямъ неправедным
Наконецъ, въ самыхъ дальнихъ уголкахъ комнатъ пріі
тились и еще болѣе неслыханныя новинки: висячія зе
кала, сдѣланныя на манеръ кіотокъ. Русскіе люди то
времени и царь Алексѣй Михайловичъ въ томъ чис
соблазнялись уже искушеніемъ имѣть у себя эту несл
ханную новинку, но вѣшали зеркала въ самыхъ укро
ныхъ углахъ, и задергивали ихъ тафтою, какъ бы сти
дясь своего искушенія. Между зеркалъ и оконъ, доверш
убранство дворца, качались въ клѣткахъ болтливые поп
гаи. Въ одномъ изъ дворцовыхъ покоевъ собиралась «Б
ярская Дума» разсуждать вмѣстѣ съ царемъ о дѣла
государственныхъ. Бояре разсаживались на лавкахъ
чинамъ и по породѣ. По сторонамъ стояли думные дья
или секретари и писаря; у каждаго за ухомъ—гусиное перо
на груди болтается привѣшенная за шнуръ чернильни

Въ неприсутственные дни «сидѣнье съ бояры» замѣня-
ь торжественными пріемами иностранныхъ пословъ или
сшаго духовенства съ патріархомъ во главѣ, приносив-
мъ Государю праздничныя поздравленія. Иностранныхъ
ловъ всегда старались принимать съ особенною пыш-
тью.—Ихъ умышленно хотѣли поразить богатствомъ
ской страны, многочисленностью русскаго войска. По-
у ихъ встрѣчали и принимали съ возможно большимъ
ском. Пріѣздъ посла всегда сулилъ народу любопыт-
я и красивыя зрѣлища. Вотъ какъ разсказываетъ о
емъ въѣздѣ въ Москву посолъ герцога Голштинскаго
амъ Олеарій. 13 августа мы пріѣхали въ послѣднее
о передъ Москвой, отъ котораго оставалось 2 мили до
ской столицы. Здѣсь мы должны были остановиться,
равивъ въ Москву гонца съ извѣщеніемъ о нашемъ
бытіи. Въ Москвѣ начались большія приготовленія.
другой день гонецъ вернулся, и мы выступили къ
сквѣ, подвигаясь медленно, такъ какъ на встрѣчу изъ
сквы одинъ за другимъ летѣли гонцы съ приказаніями
замедлять, то ускорять путь. Скоро со стороны Москвы
ли показываться цѣлыя толпы прекрасно одѣтыхъ всад-
совъ, они быстро проносились мимо насъ на своихъ
адяхъ и вдругъ, на всемъ скаку повернувъ лошадей,
вращались назадъ и также быстро исчезали вдали «въ
бахъ дорожной пыли». За четверть мили отъ Москвы
ловъ ожидало цѣлое необозримое войско. Болѣе 4000
скихъ въ богатыхъ одеждахъ, на прекрасныхъ скаку-
ь выстроены были въ рядъ, черезъ который послы
жны были совершать свое движеніе.—Наконецъ пословъ
рѣтили царскіе пристава, подвели имъ рослыхъ бѣлыхъ
адей съ богатоубранными серебромъ и золотомъ нѣ-
кими сѣдлами. — Но встрѣченные съ такою пышностью,
лы скоро попадали въ положеніе плѣнниковъ. Ихъ до-

ставляли прямо въ Посольской Дворъ, который тотча
же окружался стражей. 12 часовыхъ стояли у воротъ
Послы сидѣли какъ бы подъ арестомъ. Ихъ никуда
пускали, и къ нимъ никто не могъ проникнуть. Но в
настаетъ день ихъ представленія государю. По Москвѣ
большое народное движеніе. Съ ранняго утра отъ Посо
скаго двора и до дворца всѣ улицы, всѣ дома усѣя
безчисленнымъ множествомъ народа. Всѣ хотятъ пос
трѣть посольскій въѣздъ. Въ самомъ дѣлѣ, есть что
смотрѣть. Гремятъ пушки. Вотъ показались пристава
новыхъ кафтанахъ и высокихъ шапкахъ. За ними д
гается шествіе. Несутъ всѣмъ на показъ подарки, ко
рые послы поднесутъ царю при представленіи. — В
серебряная конская сбруя, золотой крестъ на блюдѣ, бо
шое зеркало въ рамѣ изъ чернаго дерева, украшен
плотными литыми изъ серебра листьями и фигура
боевые часы, на которыхъ изображена въ подвижн
фигурахъ исторія блуднаго сына, вороной жеребецъ,
крытый прекрасной попоной и проч. въ томъ же ро
Двѣ тысячи стрѣльцовъ стоятъ рядами на пути послов
Дворцовый покой, приготовленный для пріема посло
убранъ съ особенною роскошью. Въ углу стоитъ тр
подъ болдахиномъ, опирающимся на четыре вызолочен
столба, увѣнчанные серебряными орлами съ распрост
тыми крыльями. Подлѣ самаго престола на рѣзной се
бряной пирамидѣ стояла держава, величиной съ ядро
48 фунтовъ вѣса, а по другую сторону—золотая лох
и рукомойникъ съ полотенцемъ; надъ этой лоханью сов
шался обрядъ, приводившій въ большое смущеніе и
странцевъ.

Допустивъ пословъ къ цѣлованію руки, царь въ п
сутствіи многочисленнаго собранія, въ присутствіи сам
пословъ мылъ въ названной лохани свои руки. Это бы

статокъ стариннаго взгляда на иностранца, какъ на че-
овѣка «поганаго», нечистаго, прикосновеніе къ которому—
оязнитъ русскаго человѣка. Я уже замѣтилъ, что въ цар-
твованіе Алексѣя Михайловича этотъ взглядъ началъ
счезать у русскихъ людей, а вмѣстѣ съ тѣмъ исчезаетъ



Пріемъ пословъ.

ало-по-малу и лохань изъ дворцоваго пріемнаго покоя.
На сказанномъ тронѣ въ коронѣ, въ великолѣпной одеждѣ
ь дорогими каменьями и жемчугомъ, со скипетромъ въ
укѣ, сидѣлъ царь московскій. У ступеней трона стояли
ѣ же рынды, которыхъ мы видѣли на царскихъ вы-
одахъ.

Представленіе пословъ состояло обыкновенно въ цѣл
ваніи царской руки, въ принесеніи царю подарковъ
взаимномъ опросѣ о здоровьѣ.

Покончивъ съ дѣлами и торжественными церемоніям
царь шелъ «къ столовому кушанію». Алексѣй Михайл
вичъ былъ необычайно воздержанъ въ пищѣ, былъ стр
гимъ постникомъ. Его обычный обѣдъ поражаетъ свое
простотой и невзыскательностью. Это--простой крестья
скій обѣдъ. Ржаной хлѣбъ, овсяная брага, легкое пиво-
вотъ и все. Но когда наступало время постовъ, царь с
вершалъ настоящія чудеса воздержательныхъ подвигов
Во время постовъ, по вторникамъ, четвергамъ и субб
тамъ царь ѣлъ только однажды въ день—сырую капуст
соленые грузди и ягоды все безъ масла, а по понедѣл
никамъ, середамъ и пятницамъ совсѣмъ лишалъ себя пищ
не ѣлъ и не пилъ ничего. Тѣмъ не менѣе на царск
столъ ежедневно подавалось до 70 блюдъ. Все это ра
сылалось царемъ заслуженнымъ боярамъ въ видѣ особ
милости.

Отъ простого обѣда отличались парадные, праздничн
и посольскіе. Въ эти дни обѣдъ принималъ видъ блест
щаго пира. Длинный столъ покрывался бѣлою скатерт
и весь устанавливался серебряной посудой. Тутъ бы
серебряныя солонки, блюда, медовыя чаши, серебряны
кружки. Часто посуда снабжалась затѣйливыми украш
ніями и фигурами. Такъ, на царскій столъ ставилис
между прочимъ,—«нѣмка серебренна золочена, а у н
въ рукахъ лохань; кубокъ золоченый, а на кубкѣ—кол
кольчикъ съ язычкомъ, а подъ кубкомъ змѣй со свистом
слонъ серебрянъ, а на немъ арабъ съ топоркомъ, на сло
чердакъ, на чердакѣ мужикъ съ алебардой, три мужи
съ пиками».—Между посудой возвышались въ разны
углахъ большого стола большія фигуры, сдѣланныя и

ѣста и студня: высокія башни, стѣны съ двуглавыми рлами наверху, или цѣлыя стаи гусей, куръ, пѣтуховъ ндѣйскихъ...—Царь садится во главѣ стола; поодаль, на азстояніи вытянутой руки, садятся за столъ царскіе родтвенники, а потомъ бояре одинъ подъ другимъ, смотря о породѣ. Какъ войдутъ бояре въ трапезную палату, ейчасъ—шумъ, брань и волненія. Одинъ передъ другимъ ойдутъ считаться породою и никакъ усѣсться по мѣстамъ е могутъ. Бросятся къ царю съ жалобами: одинъ проится сѣсть выше, другой не хочетъ сѣсть ниже. Совсѣмъ азбранятся, а недовольные, не спросясь царя, начнутъ о домамъ разъѣзжаться. Разгнѣвается и царь, пошлетъ а уѣхавшими приставовъ и начнутъ ихъ за столъ сажать асильно. А бояринъ начнетъ отбиваться, брыкаться и осадить себя не даетъ, и сосѣда своего безчеститъ и лаетъ.» А какъ посадятъ его насильно, и онъ на мѣстѣ е сидитъ и выбивается изъ стола вонъ. Сосѣди начнутъ говаривать строптиваго боярина, чтобы онъ царя не гнѣалъ, а онъ кричитъ: «хотя де царь ему велитъ голову тсѣчь, а ему не на своемъ мѣстѣ, ниже другихъ бояръ, е сидѣть», спустится подъ столъ, да и сидитъ подъ столомъ.—Такіе споры постоянно нарушали спокойствіе и инность парадной царской трапезы.

Торжественнымъ обѣдомъ заканчивалась публичная часть арскаго дня. Послѣ обѣда царь или ѣхалъ на Дѣвичье оле «тѣшиться» соколиной охотой,—до которой онъ былъ страстный любитель, или засыпалъ часа на три до вечеенъ. Вечеръ посвящался семейнымъ бесѣдамъ и развлееніямъ. Царь съ семействомъ собирались въ *Потѣшной алатѣ*. Здѣсь выступали новыя лица, которыя содержались во дворцѣ нарочно для царской потѣхи. На сцену вялся *дуракъ*, *шутъ*. Между шутами встрѣчались и настоящіе идіоты, которыми забавлялись въ древнія времена,

по грубости тогдашнихъ нравовъ, когда не гнушались забавляться человѣкомъ, какъ любопытнымъ звѣркомъ, когда еще не понимали, что безумный—больной человѣкъ, котораго слѣдуетъ лѣчить, а не выставлять на-показъ для потѣхи. Впрочемъ, въ шуты нерѣдко попадали и умные люди, остряки, которые подъ видомъ шутокъ и дурачествъ занимались порой обличеніемъ лжи и неправды.

Шумно и весело бывало въ царской Потѣшной палатѣ въ какой-нибудь длинный зимній вечеръ. Въ одномъ углу кувыркались акробаты, и показывали свою «смѣхотворную хитрость» шуты, шпыни, плясцы, скоморохи; въ другомъ показывали россійскаго «Петрушку»; въ третьемъ раздавалась музыка, для чего въ Потѣшной палатѣ всегда были разставлены тогдашніе музыкальные инструменты: органы и цимбалы, родъ гуслей съ металлическими струнами, по которымъ ударяли деревянными молоточками. И музыка сопровождалась смѣшными прибаутками.

Приведу вамъ образчикъ смѣхотворнаго искусства, которымъ забавлялись тогдашніе русскіе люди. Вотъ является въ Потѣшную палату шутъ и обявляетъ, что онъ—женихъ, что невѣста у него богатая-пребогатая, даютъ за ней въ приданое: «8 дворовъ крестьянскихъ, промежъ Лебедяни, на старой Рязани, не доѣзжая Казани, гдѣ пьяныхъ вязали, межъ неба и земли, поверхъ лѣсу и воды; да 8 дворовъ бобыльскихъ, въ нихъ $1^1/_2$ человѣка съ четвертью, 4 человѣка въ бѣгахъ, да два человѣка въ *бѣдахъ*, а хоромнаго строенія: два столба вбито въ землю, третьимъ покрыто. Да съ тѣхъ же дворовъ сходится на всякій годъ насыпного хлѣба 8 амбаровъ безъ заднихъ стѣнъ, да 4 пуда каменнаго масла. Да въ тѣхъ же дворахъ сдѣлана конюшня, а въ ней 4 журавля стоялыхъ, одинъ конь гнѣдъ, а шерсти на немъ нѣтъ, передомъ сѣчетъ, а задомъ волочетъ. Да съ тѣхъ же дворовъ сходится на всякій годъ

запасу по 40 шестовъ собачьихъ хвостовъ, да по 40 кадушекъ соленыхъ лягушекъ. И всего приданаго будетъ на 300 пусто, на 500—ни кола. А у записи приданаго сидѣли Еремей да женихъ Тимофей, котъ да кошка, да попъ Тимошка, да сторожъ Филимошка. А запись писали въ сѣрую субботу, въ рябой четвертокъ, въ соловую пятницу. Тому честь и слава, а слушальщикамъ коровай сала!»

Ночной сторожъ на дозорѣ.

Впрочемъ, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ эти вечернія потѣхи во дворцовыхъ хоромахъ дѣлались все степеннѣе и серьезнѣе. —Шутовъ и скомороховъ смѣнили *бахари* и *домрачеи*, т. е. пѣвцы и разсказчики народныхъ былинъ и сказаній. —Наконецъ при царѣ Алексѣѣ появилась на Москвѣ и совсѣмъ новая «потѣха», *театръ* на иноземный образецъ, на которомъ представляли разныя пьесы.

Оканчивая день, послѣ вечерняго кушанья, царь опять шелъ въ Крестовую и также, какъ и утромъ, молился около $^1/_4$ часа. Когда царь засыпалъ, у дверей его спальни становились истопники, а въ сосѣднихъ комнатахъ дежурили жильцы, «оберегая государево здоровье».

Засыпала въ это время и вся Москва. Выходили в
свой дозоръ ночные сторожа, по улицамъ разставлялис
рогатки, чтобы не пропускать воровскихъ и буйныхъ лю
дей, по Москвѣ пускались въ объѣздъ «объѣзжіе головы
дозоромъ смотрѣть, нѣтъ ли гдѣ драки и ночного буйства
не горитъ ли въ какомъ домѣ огонь, и не топятся л
бани,—это строго запрещалось въ ночное время во избѣ
жаніе пожаровъ. Много дѣла объѣзжимъ головамъ дл
охраненія мирно спавшихъ гражданъ. То-и-дѣло встрѣ
чаютъ они шумныя толпы воровскихъ людей съ дубьем
и плетьми.—Но всѣ трудящіеся и мирные обыватели спѣ
шатъ ко сну. Дома заперты, огни погашены. Москва спитъ
Оставимъ же и мы древнюю Москву и пожелаемъ москви
чамъ покойной ночи.